

Поучения святого Иоанна Златоуста о сквернословии

Святитель Иоанн Златоуст. Икона XIX в.

Язык небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны; ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда (Иак., 3: 5-8).

Если бы кому-нибудь вздумалось на верных весах взвесить наши мысли, то в тысяче талантов житейских разговоров едва ли найдется сто динариев духовных слов, или даже не найдется и десяти оболгов. Не стыдно ли, не смешно ли крайне, что имея слугу, по большей части употребляем его на дела нужные, а получив язык, с собственным членом не обходимся так, как с слугою, а, напротив, употребляем на дела бесполезные и напрасные? И пусть бы только на дела напрасные: но мы делаем из него противное и вредное употребление, от которого никакой пользы не будет нам. Ибо если бы для нас было полезно то, о чем говорим, – и Богу были бы речи наши угодны. Но мы, что внушит диавол, то и говорим; то насмехаемся, то острословим, то проклинаем и обижаем, то клянемся, лжем и преступаем клятвы, то не хотим вымолвить слов; то празднословим и своею болтливостью превосходим старух, перебирая то, что вовсе не касается до нас.

Подлинно, много зла причиняет болтливость языка, и, на- против, воздержание его – много добра. Как нет никакой пользы от дома, города, стен, дверей, ворот, если нет при них стражей и людей знающих, когда надобно запирать их и когда отворять; так не будет пользы и от языка и уст, если разум не будет приставлен открывать и закрывать их с точностью и великою осмотрительностью, и знать, что нужно произносить и что держать внутри. Ибо не столь многие, говорит Премудрый, пали от меча, сколько от языка (Сир., 28: 21); и Христос говорит: не входящее во уста, сквернит человека, но исходящее изоуст, то сквернит человека (Мф., 15: 11); и еще другой: устами твоими сотвори дверь и затвору (Сир., 28: 29). Будем же постоянно хранить свои уста, приставив разум, как запор, не с тем, чтобы они были заключены постоянно, но чтобы открывались в надлежащее время. Потому что иногда молчание полезнее слов, а иногда слова лучше молчания. Поэтому Премудрый говорит: время молчати и время глаголати ((Еккл., 3: 7). Если бы устами надлежало постоянно быть открытыми, то не нужны были бы для них двери; а если бы им надлежало быть постоянно закрытыми, то не нужно было бы хранения. Для чего хранить то, что заперто? Для того дверь и хранение, чтобы мы делали все

в надлежащее время. А другой говорит: словесем твоим сотвори вес и меру (Сир., 28: 29), требуя еще большей точности, – чтобы мы не только произносили слова, какие должно, но с надлежащею тщательностью, так сказать, взвешивали и обсуживали их. Если мы поступаем так с золотом и веществом тленным, то тем более надобно делать это со словами, так, чтобы в них не было ни недостатка, ни излишества. Поэтому и говорит Премудрый: не возбрани словесе во время спасения (Сир., 4: 27). Видишь ли время произнесения слов? А в другом месте, указывая на время молчания, говорит: аще есть в тебе разум, отвечавай искреннему; аще же ни, то буди рука твоя на устех твоих (Сир., 5: 14). Еще: умножаяй словеса, мерзок будет (Сир., 20: 8). Лучше человек скрываяй буйство свое, нежели человек скрываяй премудрость свою (Сир., 20: 31). Слышал ли еси слово, да умрет с тобою: не убойся, не расторгнет тебе (Сир., 19: 10). Еще: от лица словесе поболит буй, якоже рождающая от лица младенца (Сир., 19: 11). Далее и о мере слов говорит: глаголи юноше, аще тебе есть потреба, едва дващи, аще вопрошен будеши: сократи слово, малыми многая изглаголи (Сир., 32: 9,10). Подлинно много нужно осмотрительности, чтобы, владея языком, употреблять его совершенно безопасно. Поэтому он и говорит еще: есть обличение, еже несть красно и есть молчай и обретаяся премудр (Сир., 19: 28). Нужно не только молчать и говорить благовременно, но и с великою благодатию; поэтому Павел и говорит: слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено, ведети, как подобает вам единому комуждо отвечавати (Кол., 4: 6). Подумай, что это член, которым мы беседуем с Богом, которым возносим Ему хвалу; это – член, которым мы принимаем страшную жертву. Верные знают, о чем я говорю. Поэтому нужно, чтобы он был чистым от всякого осуждения, порицания, сквернословия, клеветы. Если в нас рождается какой-нибудь скверный помысел, то надобно подавить его внутри и не допускать ему переходить в слова. Если малодушие заставляет тебя роптать, то нужно истребить и этот корень, содержать дверь крепко и хранить строго. И порочным пожеланиям не нужно позволять рождаться, а зарождающиеся подавлять внутри и иссушать в самом корне.

Такое хранение языка имел Иов; поэтому он и не произнес ни одного непристойного слова, по большей части молчал, а когда следовало отвечать жене, то произносил слова, исполненные любомудрия. Тогда только следует говорить, когда слова полезнее молчания. Поэтому и Христос сказал: всякое слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово (Мф., 12: 36). И Павел: всяко слово гнило да не исходит из уст ваших (Еф., 4: 29). А как можно содержать эту дверь в безопасности и хранить строго, об этом послушай другого, который говорит: буди вся повесть твоя в законе Вышняго

(Сир., 9: 20). Если ты научишься не говорить ничего лишнего, но постоянно ограждать и мысль и уста свои беседою из Божественных Писаний, то хранение твое будет крепче адаманта. Подлинно, есть много путей погибели чрез уста, например, когда кто сквернословит, когда насмехается, когда пустословит, когда тщеславится как фарисей, который, не имея ограждения при устах своих, в немногих словах излил все, что находилось у него внутри, и потому, как дом без двери, не имев возможности удержать находившегося в нем сокровища, вдруг сделался бедным. Другой, посмотри, погиб чрез тщеславие; ибо он сказал: выше звезд небесных поставлю престол мой (Ис., 14: 13). А иудеи иногда за то, что радовались несчастиям ближнего, слышат: зане ресте: благо же, бысть якоже прочии языцы Израиль; иногда укоряются за то, что роптали и говорили: всяк творяй зло, добр пред Господем, и в них Сам благоволи. И ныне мы блажим чуждых и созидаются творящие беззаконная. Так написано в книге пророка Малахии (2: 17; 3: 15).

Другие погибли чрез ропот, как говорит Павел: не ропщите, якоже неции ропташа, и погибоша от всегубителя (1 Кор., 10: 10). Иные чрез насмешки: Седоша ясти и пити, и востаха играти (Исх., 32: 6). Иные чрез злословие: иже аще речет брату своему: рака, повинен есть сонмищу (Мф., 5: 22). И другие, в гораздо большем числе, погибли другими способами, не хранив уст своих. Если ты хочешь слышать, как некоторые погибли и чрез неблагоприятное молчание, я покажу тебе. Аще не возвестиши народу, – говорил Господь, – беззаконник в беззаконии своем умрет, крове же его от руки твоя взыщу (Иезек., 3: 18). А иной – чрез то, что говорит всякому без разбора и бросает вверенное ему: не дадите, – сказал Господь, – святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиньями (Мф., 7: 6). Иной – чрез смех; потому и сказано: горе вам смеющимся, яко возрыдаете (Лк., 6: 25).

Видишь ли, как губят уста? Посмотри, как, напротив, и спасают уста. Видел ли ты фарисея, погибшего чрез них? Посмотри на мытаря, спасшегося чрез них. Видел ли иноплеменника, потерпевшего наказание за тщеславие? Посмотри на праведника смиренного и сказавшего: аз есмь земля и пепел (Быт., 18: 27). Видел ли радующегося чужим бедствиям и за то осужденного и наказанного? Посмотри на сострадательного, получившего спасение; ибо сказано: даждь знамения на лица стнящих и болезнующих (Иезек., 9: 4). Поэтому и Павел говорит: радоваться с радующимися и плакати с плачущими (Рим., 12: 15); если ты, говорит, не можешь сделать ничего другого, то немалое доставишь утешение сетующему своим соболезнованием. Видел ли смеющегося и за то преданного плачу? Посмотри на скорбящего и получающего утешение.

Блажени плачущии, – сказал Господь, – яко тии утешатся (Мф., 5: 4). Видел ли ропщущих и за то наказанных? Посмотри на благодарных – спасающихся. Благословен еси Господи Боже отец наших, – говорит пророк, – хвально и прославлено имя Твое во веки: яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам; и немного далее: яже навел еси на ны (Дан., 3: 28). Те говорили: всяк творяй зло, добр пред Господом; а эти напротив: чисто око Твое, еже не видети зла (Авв., 1: 13). Те ублажали чуждых, яко созидаются творящии беззаконная; а этот ублажает получающих помощь от Бога: блажени, говорит, людие, имже Господь Бог их (Пс. 143:15); и еще: неревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие (Пс. 36:1).

Видел ли наказываемых за смех? Посмотри на спасающихся слезами и постом, вспомнив о ниневитянах. Видел ли наказываемых за злословие? Посмотри на получающих награду за благословение. Благословящии тя благословени, и проклинаящии тя прокляти (Числ., 24: 9). Благословите изгоняющия вы, молитесь за творящих вам напасть, да будете подобни Отцу вашему, Иже есть не небесех (Мф., 5: 44,45). Видишь ли, что не должно ни совершенно заключать уста, ни всегда открывать их, но знать время для того и другого? Зная это, и пророк сказал: положи Господи хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих (Пс. 140:3).

Какое же это ограждение, как не мысль, которая грозно стоит и держит в руках огонь, готовый сжечь употребляющих уста безрассудно? Ее поставь привратником и стражем, угрожающим совести, и она никогда не отворит двери безвременно, но во время, на пользу и на неисчисленные блага. Поэтому и сказал некто: во всех словесех поминай последняя твоя и во веки не согрешиши (Сир., 7: 39). Если будет так, то никакое зло не родится в душе. Сравни с этим и другое изречение: всяко слово праздное, еже аще рекут, воздадут о нем слово в день судный (Мф., 12: 36). Вспомни, что отсюда и смерть произошла. Ибо, если бы жена не говорила со змием о том, о чем говорила, если бы не приняла слов его, то и сама не получила бы вреда и мужу не дала бы плода, и он не вкусил бы. Говорю это не для того, чтобы винить язык и уста, – нет, но неблагоприятное их употребление, которое происходит от небрежности ума. Впрочем надобно охранять не только уста, но и мысль еще прежде уст. Поэтому и сказал некто: кто возложит на помышление мое раны, да о неразумиях моих не пощадят (Сир., 23: 2). Поэтому и Христос истребляет самые внутренние порочные помыслы, когда говорит: иже возрит на жену ко еже вожделети ей, уже любодействова с нею в сердцы своем (Мф., 5: 28). Видишь ли, как Он не позволяет произрастать и

даже получать начало ни похоти, ни гнева? Ибо гневаясь на брата, – говорит Он, – повинен есть суду (Мф., 5: 22). Не мало служит к безопасности и то, чтобы не говорить много; поэтому и сказано: от многословия не избежиши греха: щадяй же устне разумен будеши (Притч., 10: 19).

Не знаю, откуда вошла в людей эта болезнь: мы стали болтливы, в нашей душе не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увещевая, говорит: слышал ли еси слово, да умрет с тобою: не убойся, не расторгнет тебе (Сир., 19: 10); и еще: от лица словесе поболит буй, якоже рождающая от лица младенца (Сир., 19: 11). Мы готовы на обвинения, скоры на осуждения. Если бы мы не сделали никакого другого зла, то и этого достаточно для того, чтобы погубить нас, ввести в геенну, причинить нам тысячи бед. А дабы ты точнее узнал это, послушай пророка, который говорит: сидя на брата своего клеветаша (Пс. 49:20). Но не я, говоришь ты, а другой. Нет, – ты. Если бы ты не говорил, то другой не услышал бы; а если бы и услышал, то ты не был бы виновен во грехе. Недостатки ближних должно умалчивать и прикрывать, а ты под предлогом доброжелательства выставляешь их на вид, делаешься если не обвинителем, то рассказчиком, болтуном, глупцом. О, срам! Вместе с ним ты срамишь себя самого и не чувствуешь? смотри, сколько зол происходит отсюда: ты прогневлешь Бога, огорчаешь ближнего, делаешь себя самого повинным наказанию! Не слышал ли, что Павел говорит о вдовицах? Не точию праздны, говорит, учатся обходить дома, но и блядивы и любопытны, глаголющая яже не подобает (1 Тим., 5: 13). Таким образом даже и тогда, когда бы ты верил сказанному о твоём брате, не следует пересказывать, а тем более, когда не веришь. О себе ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осуждену от Бога. Бойся же, чтобы не быть тебе осуждену и за болтливость. Ты не можешь сказать: Бог не осудит меня за болтливость; а это дело есть болтливость. Для чего ты распространяешь слух? Для чего умножаешь зло? Оно может погубить нас. Потому и говорит Христос: не судите, да не судими будете (Мф., 7: 1). Но мы нисколько не думаем об этом, и пример фарисея не вразумляет нас. Он сказал правду: несмы якоже сей мытарь, сказал тогда, когда никто не слушал его, и однако осужден (Лк., 18: 11). Если же он осужден, высказав правду и сказав тогда, когда никто не слушал его; то какому мучению подвергнутся те, которые всюду разглашают ложное и такое, в чем сами не уверены, подобно болтливым женщинам? Чего не потерпят они? Положим же на уста свои дверь и ограждение. От болтливости произошло бесчисленное множество зол: расстраивались семейства, разрывались узы дружбы, происходили тысячи других бедствий. Не старайся же, человек, узнавать то, что касается ближнего. Но ты болтлив, ты имеешь этот недостаток? Говори лучше о своих делах Богу, – и это не будет

недостатком, а будет приобретением; говори о своих делах друзьям, друзьям истинным и справедливым, на которых ты полагаешься, дабы они молились о грехах твоих. Если будешь говорить о чужих делах, то не получишь никакой пользы, никакого приобретения, но еще получишь вред; а если будешь исповедовать свои дела пред Господом, то получишь великую награду.

Итак, познаем сети и будем ходить дальше от них; познаем стремнины и не будем приближаться к ним. Мы будем совершенно безопасны, если станем избегать не только грехов, но и того, что хоть и кажется безразличным, однако ж бывает для нас преткновением ко греху. Так, например, смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху: часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов – еще более скверные дела; часто от слов и смеха – ругательство и оскорбление, от ругательства и оскорбления – удары и раны, от ран и ударов – смертельные поражения и убийства. Итак, если желаешь себе добра, убегай не только скверных слов и скверных дел, – не только ударов, ран и убийств, – но даже и безвременного смеха, даже и шуточных слов, потому что они бывают корнем последующих зол. Поэтому Павел говорит: сквернословие и бусловие да не исходит из уст ваших (Еф., 5: 4; 4: 29); потому что оно, хотя само по себе и кажется незначительным, но бывает для нас причиною великих зол. Будем избегать не только грехов, но и того, что хоть кажется безразличным, однако же мало-помалу увлекает нас к этим грехам. Будем держаться вдали от грехов. Хочешь быть далеким от скверных слов? – избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти. Хочешь быть дальше от убийств? – Бегай ругательств. Большая сеть – необузданность языка; ей нужна и великая узда. Поэтому и сказал некто: сеть крепка мужу свои устне, и пленяется словами своих уст (Притч., 6: 2). Итак, прежде всех других членов умерим этот (язык), его обуздаем и изгоним из уст ругательства и брани, и сквернословие, и злоречие, и злую привычку к клятвам.

Почувствуем победу злого беса. Он обыкновенно вредит нам всеми мерами, но особенно посредством языка и уст. Ибо никакой другой член так не пригоден ему для обольщения и гибели нашей, как невоздержанный язык и необузданные уста. Отсюда происходит с нами много падений, чрез это мы впадаем в тяжкие вины. Объясняя, как легко пасть чрез язык, некто говорит: мнози падоша острием меча, но не якоже падшии языком (Сир., 28: 21); и, показывая тяжесть такого падения, он же прибавляет: посползновению на земли лучше, неже от языка (Сир., 20: 18). Смысл слов его следующий: лучше, говорит, упасть и разбить тело, нежели произнести такое слово, которое губит

нашу душу. И не только говорит он о падениях, но и увещевает иметь великую внимательность, чтобы не падать: устам твоим, говорит, сотвори дверь и запору (Сир., 28: 29), не то, чтобы мы сделали для них двери и запоры, но чтобы с великою заботливостью отклоняли язык от непристойных слов. И еще в другом месте пророк, показывая, что при нашем старании и прежде нашего старания мы имеем нужду в высшей помощи, чтоб удержать внутри этого зверя, и, простирая руки к небу, говорит: воздеяние руку мою, жертва вечерняя. Положи Господи хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих (Пс. 140:2,3). Также и тот, которого увещания приведены прежде, еще говорит: кто даст ми во уста моя хранилище и на устне мои печать разумну (Сир., 22: 31). Видишь ли, как каждый из них страшится этих падений, плачет, дает советы и молится, чтоб язык был тщательно сохраняем? Но почему, скажешь, Бог дал нам этот член вначале, если он приносит нам такой вред? Потому, что он может принести и великую пользу; и если бы мы были осторожны, то он приносил бы только пользу и никакого вреда. Послушай, что говорит тот, кто сказал и прежде: смерть и живот в руце языка (Притч., 18: 21). И Христос выражает то же самое, когда говорит: от словес своих оправдишися и от словес своих осудишися (Мф., 12: 37). Язык находится в середине между тем и другим употреблением, а ты – господин его. Так и меч находится на такой же середине; если ты употребляешь его против врагов, то он делается спасительным для тебя орудием; если же ты нанесешь удар самому себе, то причиною поражения бывает не свойство железа, а твое беззаконие. Так будем рассуждать и об языке; он – меч, находящийся на такой середине; изощрай же его для обличения своих грехов, а не для нанесения удара брату. Для того Бог и оградил его двойною стеною, рядом зубов и оградю губ, чтоб он не произносил непристойных слов скоро и неосмотрительно. Удерживай его за ними; если же он не удерживается, то усмирай его зубами, предавая плоть его им, как бы палачам, и кусая его; ибо лучше ему ныне быть искусанным за грехи, нежели тогда жаждать капли воды и, иссыхая, не получать облегчения. А он обыкновенно совершает много и других грехов, когда злословит, хулит, сквернословит, клеветет, клянется, нарушает клятвы.

Хочешь ли знать, сколь великое зло – говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. Ибо что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Такие включают себя в разряд скоморохов и распутных женщин. Но и распутные женщины имеют более стыда, нежели ты. Как же ты можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными словами возбуждаешь ее идти в распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если

у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе; но когда душа твоя столь смрадна, скажи мне, как ты дерзаешь приступать к Тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, положил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы: скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда гнуснейшие всякого нечистого сосуда произносишь слова на сей трапезе Его? Ибо уста наши не трапеза ли Божия, когда мы приобщаемся таинства Евхаристии? Да и как может быть иначе? Ибо ничто так не прогневляет Его, святейшего и Чистейшего, как такие слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так легко не расторгает нерв целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова зловоннейшие всякого трупа и чрез них убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною.

И сквернословие, – говорит (апостол Павел), – и буесловие, или кощунство, яже неподобная, но паче благодарение. (Еф., 5: 4). Не произноси слов ни шуточных, ни постыдных и не приводи их в действие, и ты угасишь пламя. Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне, сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, не принадлежащее ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь подобный инструмент? Никак, потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоит. Да не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному разговору. Теперь время не увеселения, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносит шутки? Близ тебя дьявол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воет, раздувает огонь против твоего спасения, а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и произносишь неприличные речи?! Можешь ли ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорит Павел: три лета ночь и день непрестаях уча со слезами единого когождо вас (Деян., 20: 31). Если же он употреблял такое попечение о милетянах и ефесянах, – не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, – то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорит и к коринфянам: от печали многия и туги сердца написах вам многими слезами (2 Кор., 2: 4); и еще: кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется и аз не разжизаюся (11: 29)?! Послушай, что он говорит еще в другом месте, ежедневно, так сказать, желая переселиться из мира: сущии в теле сем въздыхаем (2 Кор., 5: 4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны, а ты занимаешься тем, что свойственно плясунам? Разве ты не знаешь, сколь

многим наветам мы здесь подвергаемся? Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех и нисколько не думаешь о деле. Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Ныне время войны и битвы, бдения и бодрствования, вооружения и приготовления к борьбе. В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, ибо это – время мира. Послушай, что говорит Христос: мир возрадуется, вы же печальни будете (Ин., 16: 20). Христос распялся на кресте из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения, столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличным и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, сколько велико это зло. Это дело дьявола – не радеть о безразличных поступках. И, во-первых, если бы это было и безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходит много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодеем. А что это не безразлично, видно из вышеуказанного. Посмотрим, откуда этот порок происходит? Или лучше посмотрим, каков должен быть святой? Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шуточки, тот не святой. Где гнусность, там и шуточки; где безвременный смех, там и шуточки. Послушай, что говорит пророк: работайте Господеви со страхом, и радуйтесь ему с трепетом (Пс. 2:11). Шутливость делает душу слабою, ленивою, вялою; она возбуждает часто ссоры и порождает войны. Что же? Разве ты не принадлежишь к числу мужей? Оставь же то, что свойственно детям. Тебе не нравится, если твой раб говорит на площади что-либо бесполезное; а ты, называя себя рабом Господа, произносишь на площади шуточки! Прекрасно, если душа трезвенна, – ее нельзя увлечь, а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собою, и не нужно ей будет козней и нападений дьявола. Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя есть язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога.

Поговорим с вами об избежании клятв и попросим любовь вашу употребить на это большое старание. Как же это не странно, что слуга не смеет назвать господина своего по имени без нужды... а мы имя Господа Ангелов произносим везде без нужды и с великою небрежностью!

Когда нужно тебе взять Евангелие, ты, умыв руки, берешь его с великим почтением и благоговением, с трепетом и страхом, а имя Господа Евангелия

без нужды везде носишь на языке? Хочешь ли знать, как произносят имя Его горние Силы, с каким трепетом, с каким ужасом, с каким изумлением? Видех, – говорит (пророк Исаия), Господа Саваофа сидяща на престоле высоце и превознесенне... и серафими стояху окрест Его... и взываху друг ко другу глаголя: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф. исполнь вся земля славы Его (Ис., 6: 1-3). Видишь, с каким страхом, с каким трепетом называют Его они, когда славословят и воспевают? А ты именуешь его с великою небрежностью и в молитвах, и прошениях, когда бы следовало трепетать, быть осторожным и внимательным. А в клятвах, где и совсем не надлежало бы приводить это чудное имя, сплетаешь разные одну с другою божбы! И какое будет нам извинение, какое оправдание, хотя и тысячу раз станем ссылаться на привычку? Рассказывают о каком-то светском риторике, что он имел глупую привычку, идучи, беспрестанно подергивать правым плечом, однако же победил эту привычку, стал класть на оба плеча острые ножи, чтобы страхом раны отучить этот член от неуместного движения. Сделай то же и ты с языком и вместо ножа наложи на него страх наказания Божия, и верно будешь иметь успех. Быть не может, чтобы остался без успеха тот, кто делает это заботливо и старательно. Теперь вы хвалите слова мои, но, когда исправитесь, будете еще более хвалить не только нас, но и самих себя; станете с большим удовольствием слушать, что говорено будет, и с чистою совестью произносить имя Бога, Который так бережет тебя, что говорит: ниже главою своею кленися (Мф., 5: 36). А ты так пренебрегаешь Им, что клянешься Его славою! Но что мне, говоришь, делать с теми, кто ставит меня в необходимость? В какую это необходимость, человек? Пусть все узнают, что ты скорее решишься все потерпеть, чем преступить закон Божий, и не станут принуждать тебя. Не клятва дает человеку веру, но свидетельство жизни, непорочное поведение и добрая о нем слава: многие часто надрывались клянясь, – и никого не убеждали, а другие одним наклоением головы приобретали себе более веры, нежели столько клявшиися.

Зная это, будем избегать клятв, и уста наши пусть научатся говорить непрестанно «поверь!» Это будет у нас основанием всякого благочестия, потому что язык, научившись говорить одно это слово, стыдится и краснеет произносить срамные и неприличные слова, а если когда и увлечется привычкою, то, имея много обвинителей, опять воздержится. Когда увидит кто, что неклянущийся произносит срамные слова, скоро нападет на него, осмеет его и скажет с насмешкою: ты, который при всяком случае говоришь: «поверь», не хочешь произнести клятву, а язык свой бесчестишь срамными словами? Таким образом, понуждаемые присутствующими, мы и поневоле обратимся к благочестию. Что же, скажешь, если будет необходимо клясться? Там, где

закон нарушается, нет необходимости. И можно ли, скажешь, совсем не клясться? – Что говоришь? Бог повелел, и ты смеешь спрашивать: «можно ли соблюсти закон?» Невозможно не соблюсти его.

Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших (Ефес., 4: 29). Какое это слово – гнило? – То, какое в другом месте он (апостол Павел) называет словом праздным, злословием, срамословием, суесловием, буесловием. Видишь ли, как он посекает самые корни гнева: ложь, необдуманная речь? Но точною, говорит, еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышащим (Ефес., 4: 29), т.е. говори только то, что назидает ближнего, но ничего излишнего. Бог дал тебе уста и язык для того, чтобы ты благодарил Его и назидал ближнего. Если же ты разрушаешь здание, то лучше молчать и ничего не говорить. Ибо и руки художника, назначенные для построения стен, но вместо того навывшие разрушать их, справедливо было бы отсечь. Так и Псалмопевец говорит: потребит Господь вся устны льстивыя (Пс. 11:4). Язык – причина всех зол, или, лучше, не язык, а те, которые худо им пользуются. Отсюда обиды, злословия, хулы, страсть к удовольствиям, убийства, любоддеяние, воровство, все рождается отсюда. Каким же образом, говорят, отсюда убийства? – От оскорбительного слова ты придешь в гнев, разгневанный, начнешь драться, от драки недалеко до убийства. Каким образом любоддеяние? Тебе скажут, что такая-то особенно расположена к тебе, она отзывается о тебе с отличной стороны; эти слова поколеблют твою твердость, а затем в тебе возникнут и нечистые пожелания.

Потому-то и сказал Павел: еже есть благо. Так как слов великое множество, то справедливо апостол выразился неопределенно, давая повеление касательно их употребления и правило, как вести речь. Какое же правило? Еже есть ... к созданию, сказал он. Иначе сказать: говори так, чтобы слушающий тебя был благодарен тебе. Например, твой брат соблудил. Не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим нимало пользы слушающему, но решительно повредишь ему, если будешь язвить его своими остротами. Если же ты увещаешь его, как он должен поступать, то этим заслуживаешь от него великой благодарности. Если ты научишь его иметь благоречивые уста, научишь не злословить, то ты многому его обучил и заслужил его благодарность. Если будешь говорить с ним о раскаянии, о стыдливости, о милостыне, все это будет смягчать его душу. За все это он выскажет тебе свою благодарность. Если же ты возбудишь смех, произнесешь непристойное слово, еще более – похвалишь порок, то ты все расстроил и погубил.

Ты, возлюбленный, если имеешь сказать что-нибудь такое, от чего слушающий может сделаться лучшим, то не удерживай слова во время спасения; и если не имеешь ничего такого, но только речи порочные и развратные, то молчи, чтобы не повредить ближнему; то слово гнилое, которое не назидает слушателя, но еще развращает его. Если ты имеешь сказать слово постыдное и смешное, то молчи, потому что и то слово гнило, которое делает более рассеянными и говорящего, и слушающего и в каждом воспламеняет порочные пожелания. Как для огня составляют пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий – слова. Потому не должно непременно высказывать все, что мы имеем на уме, но должно стараться удалять и из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Если же когда незаметным образом мы допустим у себя нечистые помыслы, то не будем никогда выводить их наружу языком, но будем подавлять их молчанием. Если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожелание, то не произноси постыдного слова: этим ты погасишь и пожелание. У тебя нечисты мысли? Пусть же, по крайней мере, будут чисты твои уста; не выноси вон этой грязи, чтобы не соделать вреда и другому, и самому себе.

Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Поэтому-то это и великое зло, что ты считаешь его ничтожным. Ибо зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении, оно усилится; усилившись же, оно становится неизлечимым. У тебя уста запечатлены Духом.

Вспомни, какое первое слово произнес ты по своем рождении, вспомни о достоинстве твоих уст. Ты называешь Бога своим Отцом и в то же время поносишь своего брата? Помысли о том, почему ты называешь Бога своим Отцом. По природе? Но по этому ты не мог бы назвать Его так. За добродетель? Нет, и не за то. Почему же? По одному человеколюбию (Божию), по Его благосердию, по его великой милости. Итак, когда ты называешь Бога Отцом, то имей в мысли не только то, что оскорбляя (своего брата), ты поступаешь недостойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благодати (Божией). Не посрамляй же своего благородства, которое сам ты получил по милости, жестоким обращением с своими братьями. Называешь Бога своим Отцом и оскорбляешь своего ближнего! Это не свойственно сыну Божию! Дело сына Божия – прощать врагам, молиться за своих распинателей, проливать кровь за ненавидящих его. Вот что достойно сына Божия: своих врагов, неблагодарных, воров, бесстыдных, коварных

сделать своими братьями и наследниками, а не то, чтобы своих братьев оскорблять, как будто каких невольников.

Помысли, какие слова произносили уста твои, какой они удостоиваются трапезы: помысли, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты думаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же, в таком случае, ты называешь его братом? А если он тебе – не брат, то как же ты говоришь: Отче наш? Ибо слово наш указывает на множественность лиц. Помысли, с кем ты стоишь во время тайнодействий? – С херувимами, с серафимами. Серафимы не злословят, но их уста имеют одно только занятие – славословить и прославлять Бога. Как же будешь прославлять Бога? Как же ты будешь вместе с ними говорить «Свят, Свят, Свят», после того, как произносил своими устами злословия? Скажи мне: если бы царский сосуд, всегда наполнявшийся царскими кушаньями и назначенный на такое употребление, кто-нибудь из слуг употребил для нечистот, посмел ли бы он после этого опять ставить вместе с другими, употреблявшимися при царском столе сосудами, и этот, наполненный нечистотами? Отнюдь нет. Таково же и злословие, таково и оскорбление ближнего! Отче наш! и то ли одно ты произносишь? Вникни и в следующие слова: Иже еси на небесех. Сейчас ты сказал: Отче наш, Иже еси на небесех, – и эти слова возбудили тебя, окрылили твою мысль, внушили, что ты имеешь Отца на небесах. Не делай же ничего, ничего не говори земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься долу? Предстоишь пред престолом Божиим и произносишь злословия! Ужели ты не боишься, что Царь почтет твой поступок за оскорбление Себе? Когда раб пред нашими глазами наносит удары другому рабу и поносит его, то, хотя бы он делал это и по праву, мы оскорбляемся этим и принимаем такой поступок за обиду себе; а ты, – поставленный вместе с херувимами пред престолом Божиим, – осмеливаешься поносить своего брата? Видишь ли эти святые сосуды? Они имеют одно назначение; кто же осмелится употреблять их на другое? А ты – святее этих сосудов, и гораздо святее! Зачем же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесах и предаешься злословию? Живешь с ангелами и предаешься злословию? Удостоился лобызать Господа и произносишь злословия? Бог украсил твои уста столькими ангельскими песнопениями, удостоил их лобзания не ангельского, но превосходящее ангельское, – Своего лобзания и Своих Объятий, и ты предаешься злословию? Оставь это, прошу тебя. Такое поведение производит великие бедствия и несвойственно душе христианской. Ужели мы не убедили тебя своими словами, не пристыдили?! В таком случае необходимо устрашить тебя. Послушай же, что говорит Христос: иже речет (брату своему), уроде,

повинен есть геене огненной (Мф., 5: 22). Итак, если Он угрожает геенной тому, кто скажет (брату) самое легкое из обидных слов, то чего заслуживает тот, кто произносит более дерзкие укоризны? Научим свои уста благоречию. Отсюда происходит великая польза, а от злоречия – великий вред.

Глаголю же вам, яко всяко слово праздно еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный (Мф., 12: 36). Праздное слово есть слово, несообразное с делом, ложное, дышащее клеветою, а также, по изъяснению некоторых, и пустое слово, например, возбуждающее беспорядочный смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное. От словес бо своих оправдишия, и от словес своих осудишия (Мф., 12: 37). Видишь ли, как безобиден суд? Как кротки требования ответа? Не по речам другого, но по твоим собственным словам Судья произнесет приговор. Что может быть сего справедливее? Ибо в твоей власти – говорить и не говорить. Поэтому незлословимым надобно страшиться и трепетать, а злословящим, потому что не злословимые должны будут оправдываться в том, что об них разносимы были недобрые слухи; но злословящие дадут ответ в том, зачем они говорили о других худо. На них-то падет вся беда. Итак, терпящим от злых слухов не об чем заботиться, потому что не требуется от них ответа в том, что другие говорили об них худо; но говорящим худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злословие потребованы будут к суду. Поистине, это дьявольская сеть, это такой грех, который никакого не приносит удовольствия, а только один вред. Ибо злое сокровище копит в душе своей злословящий. Итак, будем убегать сего греха и не станем обижать ближних ни словами, ни делами. Господь не сказал: «если ты при народе будешь поносить ближнего и повлечешь его пред судилище, виновен будешь», но просто: если будешь говорить худо, хотя бы и наедине, и тогда навлечешь на себя величайшее осуждение. Если бы даже было истинно то, что ты пересказываешь о ближнем, если бы ты был совершенно в этом уверен, и тогда подвергнешься наказанию. Ибо не за то, что делал другой Бог будет судить тебя, а за то, что ты говорил. От словес бо своих осудишия. Не слышал ли, что и фарисей говорил правду (о мытаре), высказал то, что было всем известно, и объявил то, что не было тайною? И однако же подвергся жестокому осуждению. Если же и явных грехов оглашать не должно, то тем более неизвестных и недоказанных. Согрешивший имеет над собою Судью. Итак, ты не предвосхищай себе чести, принадлежащей Единородному, Которому предназначен престол суда.

Посему, умоляю, будем говорить то, что нам прилично, и пусть святые уста не произносят слов, свойственных устам бесчестным и позорным. Кое бо

причастие правде к беззаконию, или кое общение свету ко тме (2 Кор., 6: 14). Лучше, если мы, удалившись от всего неприличного, в состоянии будем воспользоваться обещанными благами, чем если, занимаясь излишним, погубим чрез это трезвенность ума. Ибо человек шуточный скоро делается злоречивым, а злоречивый способен к бесчисленному множеству и других пороков. Итак, упорядочивши эти два душевные состояния и подчинивши их разуму, как послушных коней, – я разумею похоть и гнев, – поставим над ними возницу ум, чтобы получить награду вышнего звания, которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веком, аминь.